

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУССИОН

Гуманитарная экспертиза

В разделе «Философский дискуссион» журнал «Философские науки» продолжает обсуждение таких актуальных тем, как «Цифровая цивилизация: современные подходы», «Научная экспертиза — культура научного творчества», «Трансгуманизм как “наука”, “религия” и “мировоззрение”». В первой предполагается широкое обсуждение наиболее важных итогов и перспектив современной цифровой (электронной) цивилизации: исследование социокультурных, естественнонаучных и общегуманитарных проблем, возникающих в современной цивилизации. Журнал призывает ученых и экспертов всех направлений к обсуждению сложившихся реалий цифровой культуры и цивилизации, а также прогнозов ее дальнейших перспектив. Частично эти вопросы обсуждались, в частности, в № 2, 3 (2012), № 11 (2014), № 4 (2015) нашего журнала.

Не менее важным и внутренне связанным с предыдущей темой является разговор о гуманитарной экспертизе: ее объекте, субъекте, критериях формирования базовых ценностей и понимании специфики современной культуры научного творчества.

Особое место занимает разговор о трансгуманизме, претендующий стать новейшим гуманитарным направлением, связанным с поиском смысла жизни человека в перспективе неопределенного трансгуманистического будущего. Именно трансгуманизм становится наиболее важным объектом дискуссий, расширяя границы и перспективы познания человека будущего.

«Философский дискуссион» обращается ко всем заинтересованным исследователям, приглашает к открытому разговору, стремясь, таким образом, представить различные позиции экспертного сообщества современной России.

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

С.М. КЛИМОВА

Аннотация

Статья посвящена двум взаимосвязанным аспектам гуманитарных исследований: современным трендам в описании природы человека (улучшение человека и трансгуманизм) и роли и значению гуманитарной экс-

пертизы и экспертного сообщества в современной России. Практически все ученые-гуманитарии рассуждают о человеке как о самооценности, борются за его права и улучшение его жизни в настоящем и будущем. Однако не многие определяют его суть, задаются вопросом, о перспективах улучшения и развития *какого* человека идет речь в процессе новейших разработок и технологизации жизни. Возможно, речь о традиционном типе homo sapiens, но возможно «улучшение» касается уже трансформированного человека с измененным сознанием, телом и духовными запросами. Разговор о трансгуманизме позволяет расширить границы дискуссии о человеке, его возможностях и перспективах. В то же время это движение имеет тенденцию стать новой идеологией; это вызывает тревогу у многих групп экспертов современного сообщества.

Современные технологии внедряются в традиционные системы. Например, в образование. Образование является наиболее важным сектором апробации технологий и изменений человека. Требуется тщательная экспертиза всех инновационных проектов в этой сфере.

Статья призывает к консолидированным усилиям гуманитариев и ученых в области «улучшения», а возможно, «сохранения» человека.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, экспертное сообщество, улучшение человека, трансгуманизм, российское образование, реформы.

Климова Светлана Мушаиловна – доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

sklimova@hse.ru

https://www.hse.ru/user/?_r=5973374.378249885094#tab-main

Цитирование: КЛИМОВА С.М. (2017) Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // Философские науки. 2017. № 4. С. 68–80.

Мы живем в удивительное время. Кажется, что все области науки, техники, биологии, медицины и т.д. нацелены на человека и носят ярко выраженный антропологический характер; возникло даже целое направление Human enhancement technologies (HET) [Bostrom 2003, 493–506; Buchanan 2011; Douglas 2011, 228–245; Tennison 2002, 405–416], призванное улучшать человека, прежде всего, средствами био-медицинских технологий.

Вопрос о сущности человека отнюдь не нов. Но как только мы пытаемся дать его современные определения в свете указанной проблематики, мы моментально попадаем в парадоксальную ситуацию. Следует понять, идет ли речь о традиционном типе Homo sapiens или «улучшение» касается уже трансформированного человека, с измененным сознанием, телом и духовными запросами. Несколько риторически звучит вопрос о том, кто кого изменит: технологии человека или человек технологии. Он открыт для дискуссии и, видимо, здесь

важнейшую роль должны играть как философия в качестве определенного, всем понятного мировоззрения, так и современное сообщество экспертов, по идее, призванных синтезировать научные достижения и перспективы будущего развития человека и человечества.

С направлением Human enhancement тесно связаны и идеи трансгуманизма, ставшие объектом непрекращающихся дискуссий в последние десятилетия (1). Они воплощены в проекты (2), которые относятся к типам исследовательских моделей, требующих тщательной гуманитарной экспертизы. Трансгуманизм — бурно развивающееся течение, обрел значимость в контексте двух противоположных тенденций: с одной стороны, все его вызовы связаны с реальной угрозой, которую испытывают человек и человечество в ситуации глобального кризиса, переживаемого эпохой во всех его направлениях [Дубровский 2015, 214–220]. Д.И. Дубровский пишет о роли экспертного сообщества таким образом: «Приходится напомнить, что в аббревиатуре НБИКС буква «С» обозначает социогуманитарные технологии и социогуманитарные знания, которые, будучи органической составляющей конвергентного развития НБИКС, призваны выполнять целеполагающие, прогностические, оценочные и, главное, санкционирующие функции этого развития, чтобы парировать его риски и угрозы. Социогуманитарной составляющей НБИКС-конвергенции отводится определяющая, приоритетная роль» [Дубровский 2015, 216].

С другой стороны, трансгуманизм развивает идею новых возможностей человека (транс или пост-человека), благодаря новейшим технологиям и прорывам в области НБИКС (нано-, био-, инженерные-, компьютерные и социальные технологии). Всерьез обсуждаются перспективы небывалого продления жизни, вплоть до бессмертия; нас уверяют в будущих способностях человека вести полноценный образ жизни не только на физическом, но и на духовном уровне и т.д. Здесь особое значение может иметь разговор об искусственном интеллекте, искусственном теле и даже искусственной душе [Мареева 2014, 171–178]. Если искусственное заменит реальное, то процесс трансформации человека в новые формы жизни станет вполне возможным.

Более того, с развитием трансгуманистических проектов разрушаются все традиционные представления о человеке, прежде всего, как о мере и критерии «истины, добра и красоты». Технологически созданные «творения», ставшие ростками «пост-человека» давно уже начали смещать своего «творца» — человека с его пьедестала, распространяя новейшие технологические возможности на все сферы существования когда-то антропоморфного мира; это происходит гораздо интенсивнее, чем раньше, в мире традиционных взаимоотношений «творца» и «творения». Новые технологические возможности легко превращают Homo faber в Homo virtualis или Homo digital.

На достижение трансгуманистических целей «работают», однако, не только биологи и медики, но и все возможные «технологи», а также экономика, образование, массмедиа. Современная технoнаука (3) живо волнует всю современную политическую надстройку и бизнес-сообщество, ведь знание давно перестало быть достоянием чистой и даже прикладной науки, но стало объектом инвестиций, а мечты о будущем совершенстве общества и людей из сферы философии ушли в сферу коммерциализированной науки. Сценарии жизнедеятельности человека будущего нуждаются в осмыслении не только в робототехнике и Android Science, но в гуманитарном сообществе, обязанном осуществлять экспертизу данных тенденций. Уже сегодня очевидно, что эти новые, только раскрываемые технологические возможности оказывают и будут оказывать глубочайшее влияние на самоидентификацию человека, на его фундаментальные ценности, да и на само его физическое существование.

Важнейшим объектом критического анализа гуманитарной дисциплины становится само понятие «эволюция человека», широко распространенное в трансгуманизме. Специфика новейшего этапа эволюции в том, что она становится «конструируемой», искусственно продвигающей человека ко все большему совершенству (эволюция естественно-биологическим способом, как известно, давно завершена). Человек в данном случае всего лишь «объект» определенных сил и интересов. Возникает закономерный вопрос: кто же в конечном счете должен решить, каким быть человеку XXI в.: смертным, бессмертным, носителем универсальных знаний или страдающим, переживающим свое одиночество в мире информтехнологий. Кто навязывает и формирует его завтрашний облик: технологи, трансгуманисты, бизнес, общество, а может быть представители власти?

Пока ученые спорят, в обществе растут алармистские настроения, усугубляемые тем фактом, что нынешние технологии не имеют определенной философской и этической основы. Очевидно, что современная атомизация общества, усугубленная социально-культурной аномией и цифровой культурой, подталкивает науку и экономику к поиску наилучших бизнес-проектов, связанных с обслуживанием состоятельных людей и властных элит, что одновременно означает потребность в оболванивании и массовизации и без того тотально обработанного в XX в. человека. В то же время эра постчеловека настолько приближена к нашему все еще человеческому миру, что, возможно, пора создавать гражданскую оппозицию проектам насильственного улучшения человека, выказать общественную озабоченность происходящим. И, наконец, пришло время «очеловечивания экономики, науки и политики», возвращения этических приоритетов в науку и бизнес, возрождения такой ценности, как человек — не будущий и улучшенный, но такой, каков он здесь и сейчас. Иначе нашей ближай-

шей реальностью станет реализация самых страшных антиутопий предыдущего века.

Именно это заставляет многих отечественных ученых весьма настороженно говорить о перспективах технологического «улучшения» человека в связи с его возможными «постчеловеческими» трансформациями. Член-корреспондент академии наук, профессор Б.Г. Юдин — один из ведущих отечественных теоретиков данной проблемы — отмечает в этом контексте определенную двусмысленность самого понятия *улучшение* [Юдин 2007, 520–527], ведь помимо положительных эффектов, которых хотят достичь разработчики новых технологий, возможны серьезные негативные последствия, не предусмотренные или не просчитанные ими. Кроме того, одни и те же изменения разными людьми могут оцениваться по-разному; подчас это происходит даже на уровне целых культур или конфессий. И вот здесь роковую «оценочную» роль может сыграть цифровая культура с ее мгновенным навязыванием «выгодного продукта» максимально большому количеству пресыщенных технологиями людей и «улучшить» «потребителя» до полного самозабвения.

Ответы на эти и другие вопросы призвана дать гуманитарная экспертиза, которая сегодня становится новой формой движения к истине. Научный (экспертный) и общественный контроль над лавинообразным потоком техно-открытий важен как никогда. Еще в конце прошлого века И.И. Ашмарин и Б.Г. Юдин, анализируя возможные риски для людей со стороны социальных и научных инноваций, предложили исходить из ряда этических предпосылок в их оценках: «презумпции виновности» и «презумпции бдительности», требующих введения гуманитарной экспертизы, направленной «на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала» [Ашмарин, Юдин 1997, 76].

Б.Г. Юдин определяет гуманитарную экспертизу как опережающее реагирование на возможные риски от техно-инноваций; по его мнению, она постоянно «отслеживает ситуацию», пытаясь вести диалог с учеными, внедряющими инновации. Эксперт при этом должен быть универсалом, уметь отстаивать интересы рядовых граждан, не ограничиваясь только своим профессиональным интересом. Правомернее даже говорить о сообществе экспертов, консолидирующих свои усилия в общем направлении, ведь гуманитарная экспертиза — пример ярко выраженного социально ориентированного междисциплинарного феномена. «Во многих случаях именно для гуманитарной экспертизы первостепенное значение имеет умение эксперта адекватно выразить интересы, надежды и опасения того самого “рядового обывателя”... Например, сегодня в обществе идут острые дискуссии о модернизации или реформировании образования, здравоохранения, социального обеспечения и т.п. На наш взгляд, принципиальная

ограниченность многих таких дискуссий обусловлена тем, что в них участвуют только спецы с их ведомственно задаваемым и очерчиваемым кругозором» [Юдин web].

В этой непростой конфигурации идей и людей возникает множество вопросов и тем для обсуждения. Следует прояснить фигуру субъекта экспертизы; далее, что же в действительности представляет собой междисциплинарное содружество экспертов и кто в него входит; должна ли экспертиза объединять разные группы общества и выражать общие интересы. Не совсем ясно, кого Б.Г. Юдин отнес к «спецам», и кого он предлагает ввести помимо них.

Можно предположить, что речь идет о союзе чиновников («спецы»), гуманитариев, технарей и потребителей новаций — самих обывателей, которые должны и могут стать экспертами технонаучных изысканий, т.е. окажутся способны «лечить» и «учить» (4). Такой субъект экспертизы настолько же размыт, как и критерии, по которым люди могут быть объединены в экспертные сообщества. Есть опасение, что ученые-технари окажутся глухи к рекомендациям гуманитариев; но может быть и обратная ситуация — полного контроля за техноткрытиями со стороны знающих какую-то «сакральную» истину о человеке гуманитариев, и тогда все грозит обернуться очередным идеологическим фарсом со всеми вытекающими репрессивными последствиями. Роль потребителей в этом процессе может быть исключительно вторичной, данной в форме прямого потребления. В любом случае характер и преимущества таких экспертных сообществ не ясны, так же как и их право управлять научными открытиями, разрешать или запрещать что-то кому-то, вводить «презумпции виновности» и т.д.

Между тем тема гуманитарной экспертизы широко разрабатывается не один десяток лет [Скирбекк 1991; Луков 2006; Юдин web; Климова 2016, 3—8]. При этом нам почти не известны факты ее продуктивной деятельности. «Отслеживание ситуации», о которой говорилось ранее как о критерии научности, указывает на вторичный характер этой экспертизы, что лишний раз подчеркивает ее скорее цензурный, чем научный характер. Сама по себе гуманитарная экспертиза мало что дает, поскольку должна предварять внедрение научных технологий в практику; анализ уже свершившихся последствий может быть делом любого, не только экспертного, мнения и оценки. Однако положительных примеров такого предварительного оценивания очень немного. Прецеденты, когда гуманитарной экспертизе удалось предотвратить печальные последствия от внедрения технологий в жизнь, практически неизвестны. Припоминается лишь один удачный пример скорее стихийной, чем целенаправленной победы гуманитариев над теоретиками и идеологами безумных инноваций. Речь о знаменитом проекте «поворота Сибирских рек», на разработку которого

ушли десятилетия. Как оказалось, в него был вложен бесполезный труд сотен людей и десятков исследовательских организаций, затрачены миллионы государственных рублей, но, к счастью, он не был осуществлен, благодаря активному сопротивлению интеллигенции в начале перестройки [Зеликин 2001].

Как правило, все оценочные рассуждения и описания рисков происходят постфактум; трудно представить добровольное желание ученых-технарей изначально обращаться к экспертам-гуманитариям, а уж потом внедрять свои разработки в практику. Там, где правила диктует рынок и преобладает коммерциализация жизни, ведущая к «маркетинговому холокосту», лишаящая людей возможности и права на самостоятельный выбор и принуждающая всех соответствовать определенным стандартам жизни, экспертизу-гуманитарную еще надо обозначить и отстоять свое место в неравной борьбе с продажной идеологией и идеологизированным рынком. Гуманитарная экспертиза находится в прокрустовом ложе между буржуазной алчностью и «интеллигентской» боязнью цензуры, традиционной «душительницей» всего нового.

Экспертиза становится оправданной и жизненно необходимой, когда ее гуманитарный вектор направлен на *сохранение социальных связей*; когда потенциальные риски для безопасности общества, связанные с агрессивным внедрением технологий, касаются самых важных сфер человеческой жизни, всего сообщества в целом. К такой важнейшей области относится система образования, реформирование которой на протяжении почти двух десятилетий в нашей стране в итоге стало угрозой для национальной безопасности. Сформировалось поколение, развивающее не способность мыслить, но краткосрочную память, имеющее логические навыки решения этических задач, но не понимающее, что такое добро и зло, что такое ценности и чем общие ценности отличаются от субъективных устремлений стать самым первым, самым достойным, самым успешным и богатым. Выросло умное, деловое, но равнодушное к моральным принципам поколение одиночек, владеющее новейшими технологическими навыками, но забывшее, что такое живая речь, мысль, созданная самим человеком, а не учебниками жизни, в момент переживания реальной, а не вымышленной, ситуации. Боюсь, что ближайшей проблемой может стать потеря навыков тактильной связи людей друг с другом, подобно тому, как уже сегодня все более проблематичным становится межличностное непосредственное общение глаза в глаза, а не через посредников в виде гаджетов или социальных сетей.

Главенствующую роль в этом играет нынешняя система образования и вполне реальное сообщество детей и родителей, «спецов» от власти, экспертов-гуманитариев и педагогов, а не только достижения техно-науки и рынок. Несмотря на бесконечные дискуссии в экс-

пертном сообществе и до, и после принятия реформ, они реализуются вопреки всякому здравому смыслу, как правило, по приказам сверху. Так, лидеры реформирования системы образования в России отмечали в 2012 г.: «Российская модель образования должна основываться именно на российских реалиях: культуре, институтах (в той их части, которая поддерживается массовым поведением людей и организаций) и ресурсах» [Волков, Кузьминов, Реморенко 2008, 33]. Установка правомерная и похвальная. Однако она никак не связана с практической нацеленностью образовательных реформ на глобализацию, интернационализацию и маркетизацию; расходится она и с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 года № 559, в котором поставлена задача обеспечения вхождения в 2020 г. не менее пяти российских вузов в первую сотню ведущих мировых университетов.

Трудно найти официальный документ «от спецов», в котором был бы прописан национальный компонент, логически увязанный с данным указом, ведь согласно этой директиве для достижения поставленной цели необходимо уничтожить все отечественное: традиционные рейтинги, журнальную базу, русский язык, традиционные формы межличностного общения преподавателя и студента, и внедрить стандарты, которые мы называем «западными». Совершенно ясно, что войти в мировой рейтинг может только вуз мирового уровня, отвечающий всем западным стандартам — языковым, структурным, научным, образовательным. Важнейшим в этом процессе становится онлайн образование с помощью мировых образовательных платформ. Абсолютно правомерно утверждение ректора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Я.И. Кузьминова о том, что платформа *Coursera* — колоссальный канал мировой конкуренции, который нельзя игнорировать в современном образовании. Поэтому НИУ ВШЭ все больше курсов размещает на этой платформе и делает онлайн образование все более приоритетным. Странно, но мы не слышим голосов экспертов, которые должны мыслить вопреки заданиям правительства и давать научное обоснование всем возможным последствиям такого образования.

Сегодня студенты, обучающиеся по новейшим образовательным техно-стандартам в России, потенциально рискуют не знать «в лицо» как своих сокурсников, так и своих преподавателей, тех, кто (в идеале) должен их не только учить предмету, но и воспитывать своим «образом и поведением». Так бы, наверное, сказали лет 25 тому назад. В противном случае следует показать, как *Coursera* станет не только образовательной платформой, но и жизненно необходимым каналом связи поколений между собой. Не может безличный преподаватель, вещающий на 20-тысячную аудиторию стать учителем конкретного живого человека. В лучшем случае, он будет учить всех прекрасноту и единодушию по профессиональным (и возможно

идеологическим) вопросам (5). Также очевидно, что онлайн образование сметет русский язык (6), по всем критериям «уступающий» английскому — мировому языку науки и образования.

Уверена, что статья европейски развитой и образованной страной чрезвычайно важно для России. Но хочется получить внятный ответ от профессионалов и экспертов о наиболее адекватных способах реализации этой задачи. Выясняется, что кроме «спецов», обслуживающих указания властей, никто не только не стремится дать компетентный ответ, но и просто подумать над проблемой, находясь в состоянии традиционно пассивного приятия любого приказа «сверху».

Реформы идут постоянно, а положительных результатов почти не видно; внедряются рыночные механизмы и драконовские правила, которые призваны изменить систему образования в целом, маркировать ее, превратить педагога в поставщика услуг, а студента — в их потребителя, превратить институты, призванные формировать личность, в разряд коммерческих предприятий по внедрению профессиональных компетенций и навыков. Экспертиза в этой сфере необходима как воздух; возможно, «тайная» цель реформ — уничтожить гуманитарную науку, нивелировать личность и превратить молодого человека в бездумного и безответственного функционера-исполнителя, «производственный планктон».

Так кто же Вы, господа-эксперты? Очевидно, что реформы и указы сочиняет не президент и даже не министры, но те самые многочисленные эксперты-специалисты, на которых опирается государственный аппарат и которыми наводнена российская бюрократическая система. Они-то, по сути, и управляют, конечно, стараясь реализовать государственную — генеральную линию. А если это так, то разговор о персональной ответственности бессмыслен, следовательно, никто не отвечает за результаты любых реформ.

Мы знаем об ужасных последствиях расцвета мировой бюрократии в XX в., в котором доминировали бездумные исполнители-винтики, но «бюрократ-эксперт» — явление крайне сложное, требующее аналитического понимания его сути. О том, что бюрократы воспринимаются с опаской не только обществом, говорит беспрецедентный пример создания при Президенте («своеобразный» симбиоз власти и оппозиции), не только общественных советов, но и целого Общероссийского Народного Фронта, задача которого — «контроль над исполнением указов и поручений главы государства, а также борьба с коррупцией».

Таким образом, разговор о гуманитарной экспертизе необходим для консолидации разных социальных групп и исследователей. Отстоять значимость гуманитарной экспертизы, находясь лишь на аксиологических или абстрактно-гуманистических позициях долженствования

невозможно; нужна твердая законодательная база, подобно той, которая существует в промышленном производстве, напрямую зависящем от экологических законов и законов безопасности жизнедеятельности людей. Должны быть твердые юридические правила апробации инноваций, связанные с гуманитарной безопасностью человека, определяемые и правом, и самой гуманитарной экспертизой.

Но здесь вновь возникает трудность. Даже если мы добьемся признания равенства или приоритета гуманитарной экспертизы перед технаукой, инновациями или реформами на государственном уровне, у нас нет уверенности в качестве этой экспертизы, обоснования ее собственной научности и доказательности. Критикуя различные общезначимые проекты, гуманитарная экспертиза сама может оказаться в роли поставщика услуг, озвучивая чьи-то интересы, защищать то, против чего направлено острие ее критики. Как заметил А.А. Воронин, гуманитарная экспертиза не имеет универсальной теоретической основы, да ее и не может быть, «поскольку гуманитарная экспертиза — междисциплинарная, транснаучная, всякий раз уникальная процедура... вместо теории надо ориентироваться на общие, возможно, теоретические, а возможно и внетеоретические (моральные, идеологические, ценностные, правовые, эстетические) положения, составляющие обязательные признаки экспертизы» [Воронин 2014, 83]. Кроме того, как было уже отмечено, гуманитарная экспертиза имеет важный социальный посыл — она выступает важнейшим звеном социальной ответственности власти перед обществом, что, как думается, требует нового разговора и очередной экспертизы.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Сошлемся на сайт Российского трансгуманистического движения, представившего последние новинки в литературе по теме: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/74/110/>

(2) Говоря о проектах трансгуманизма следует отметить Общественное движение Россия — 2045 (руководитель Д.А. Ицков); Международные конгрессы, прошедшие в Москве (2012) и США (2013); Всероссийские конференции, прошедшие в Белгороде (2013) и Красноярске (2014) и многое другое. Сайт Стратегического общественного движения «Россия 2045»: <http://evolution.2045.ru>, <http://transgumanist.net>. В 2013 г. под эгидой Научного Совета указанного движения был издан сборник статей [Дубровский 2013].

(3) В литературе по философии и социологии науки этим термином обозначают современные формы организации научной и технологической деятельности, подчеркивая резкое усиление взаимосвязей и взаимодействий не только между наукой и технологиями, но также и между ними и другими социальными структурами — бизнесом, средствами массовой информации и т.д. [Юдин 2016, 9].

(4) По этому поводу в свое время Л.С. Выготский, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили и др. рассуждали в контексте оппозиции обыватель-

ского и философского способа осмысления природы образования, медицины или той же самой философии. Всю суть обывательского сознания представил образ собирательного героя А.И. Райкина, учащего балерину «подавать ток в недоразвитые районы», а всему населению рыть по утрам пруд для водоплавающих. Сегодня обыватель «видоизменился» и превратился в блогера, о котором следует сказать в отдельной статье.

(5) Может быть и обратная ситуация, когда свободное обсуждение лекций «онлайн» превращается в площадку для всевозможных насмешек и негатива со стороны «безликих» слушателей. Интернет открывает возможность реализации самых низменных сторон человеческой психики, раскрепощенной безнаказанностью, вседозволенностью и анонимностью самого «пространства».

(6) Как горько звучат в этом контексте слова А.А. Ахматовой: «Не страшно под пулями мертвыми лечь, Не горько остаться без крова, – И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово».

ИСТОЧНИКИ

Ашмарин, Юдин 1997 – *Ашмарин И.И., Юдин Б.Г.* Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3. С. 76–87.

Волков, Кузьминов, Реморенко 2008 – *Волков А.Е., Кузьминов Я.И., Реморенко И.М.* и др. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 32–64.

Воронин 2004 – *Воронин А.* Контуры гуманитарной экспертизы // Человек. 2014. № 1. С. 81–92

Дубровский 2013 (ред.) – Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. *Д.И. Дубровского*. – М.: Издательство МБА, 2013.

Дубровский 2015 – *Дубровский Д.И.* К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П.Д. Тищенко) // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 214–220.

Зеликин 2001 – *Зеликин М.И.* История вечнозеленой жизни. – М.: Факториал пресс, 2001.

Климова 2016 – *Климова С.М.* Предисловие // Концепции постчеловека в философии и технотехнике. Материалы V Международной Школы для молодежи. 19–23мая, 2016 / под ред. С.М. Климовой, А.Д. Майданского. – Белгород, 2016. С. 3–8.

Луков 2006 – *Луков В.А.* Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // Проблемы гуманитарной экспертизы. 2006. № 4. С. 197–200.

Мареева 2014 – *Мареева Е.В.* От искусственного интеллекта к искусственной душе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 171–178.

Скирбекк 1991 – *Скирбекк Г.* Есть ли у экспертизы этические основы // Человек. 1991. № 1. С. 86–94.

Юдин 2007 – *Юдин Б.Г.* Сотворение трансчеловека // Вестник российской академии наук. 2007. Вып. 77. № 6. С. 520–527.

Юдин 2016 – *Юдин Б.Г.* Улучшение человека как проблема науки и философии // Концепции постчеловека в философии и технотехнике. Материалы V Международной Школы для молодежи. 19–23мая, 2016 / под ред. С.М. Климовой, А.Д. Майданского. – Белгород, 2016. С. 8–17.

Юдин web – Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной. – URL: http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin

Юдин web – Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5936>

HUMANITARIAN EXPERTISE AND EXPERT COMMUNITY: FORMULATION OF THE PROBLEM

S.M. KLIMOVA

Summary

The article is devoted to two interrelated aspects of human studies: the modern trends in the describing of human nature (Human enhancement and transhumanism) and the describing of the role of humanitarian expertise and the expert community in the modern Russia. Almost all humanities scholars talk about man as a “self-worth”, fighting for his right and the improvement of life in the present and future time. However, not many scholars define his essence, prospects for improvement in modern processes of developments and technologization of life. Perhaps, they describe a traditional type of *homo sapiens*, but perhaps they are saying about “improving” of new type man, which have a changing mind, body and spiritual needs. Transhumanism allows to expand the boundaries of debate about the nature of man, his possibilities and prospects. At the same time, this movement has a tendency to become the new ideology. It's very alarming for some scholars groups, especially, in humanitarian sciences.

Keywords: humanitarian expertise, expert community, Human enhancement.

Klimova, Svetlana – D.Sc. in Philosophy, Professor at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics*, Moscow.

sklimova@hse.ru

https://www.hse.ru/user/?_r=5973374.378249885094#tab-main

Citation: KLIMOVA S.M. (2017) Humanitarian Expertise and Expert Community: Formulation of the Problem. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 4, pp. 68-80.

REFERENCES

Ashmarin I.I., Yudin B.G. (1997). ‘The Origins of the Humanitarian Expertise’. In: *Chelovek* [Human Being]. 1997. Vol. 3, pp. 76-87 (in Russian).

Bostrom N. (2003). ‘Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective’. In: *The Journal of Value Inquiry*. 2003. 37 (4), pp. 493-506.

Buchanan A. (2011). *Beyond Humanity: The Ethics of Biomedical Enhancement*. Oxford University Press, Oxford and New York, 2011.

Douglas T. (2011). ‘Moral Enhancement’. In: *Journal of Applied Philosophy*. 2011. Vol. 25, pp. 228-245.

Dubrovsky D.I. (ed.) (2013). *The Global Future - 2045. Convergent Technologies (NBIKS) and Transhumanist Evolution*. Moscow (in Russian).

Dubrovsky (2015) 'The Question about the Global Future and *Transhumanist Evolution* (the replay for P.D. Tishchenko)'. In: *Voprosy Filosofii* [The Questions of The Philosophy]. 2015. Vol. 3, pp. 214-220.

Klimova (2016). Introduction. In: Klimova S.M., Maidansky A.D. (eds.) *The Concepts of Posthuman in philosophy and Techno-science. The V International School for Youth*, pp. 3-8 (in Russian).

Lukov (2006). 'The Humanitarian Expertise: from Theory to Practic'. In: *Problemy gumanitarnoy ekspertizy* [Problems of Human Expertise]. 2006. Vol. 4, pp.197-200 (in Russian).

Mareeva (2014). 'From Artificial Intellect to Artificial Soul'. In: *Voprosy Filosofii* [The Questions of The Philosophy]. 2014. Vol. 1, pp. 171-178 (in Russian).

Skirbekk G. (1991) 'Does a Expertise have an Ethical Origins'. In: *Chelovek* [Human Being]. 1991. Vol. 1, pp. 86-94 (Russian trans.).

Tennison M. (2002). 'Moral Transhumanism: The Next Step'. In: *Journal of Medicine and Philosophy*. 2002. Vol. 32, pp. 405-416.

Volkov A.E., Kuz'minov Ya.I., Remorenko I.M. et al. (2008) 'The Russian Education – 2020: the Model of Education for Innovation Economic'. In: *Voprosy obrazovaniya* [The Questions of Education]. 2008. Vol. 1, pp. 32-64 (in Russian).

Voronin A. (2004) 'Outlines of the Humanitarian Expertise'. In: *Chelovek*. [Human Being]. 2014. Vol. 1, pp. 81-92 (in Russian).

Yudin B.G. (2007) 'The Creation of Transhuman'. In: *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Science]. 2007. Vol. 77. No 6, pp. 520-527 (in Russian).

Yudin B.G. (2016) 'The Human Enhancement Technologies as a Problem of Science and Philosophy'. In: Klimova S.M., Maidansky A.D. (eds.) *The Concepts of Posthuman in Philosophy and Techno-science. The V International School for Youth*. Belgorod, pp. 8-17 (in Russian).

Yudin B.G. (web) 'From Ethic Expertise to Humanitarian Expertise'. Available at: http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin (in Russian).

Yudin B.G. (web) 'Techno-science, Human being, Society: the reality of the Humanitarian Expertise'. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5936> (in Russian).

Zelikin M.I. (2001) *A History of Evergreen Life*. Faktorial Press, Moscow (in Russian).